

Mailla J. A. M. Histoire generale de la Chine ou Annales de cet Empire. Traduites du T'oung-Kien-Kang-Mou. Vol. 6. P., 1778.

Статья поступила в редакцию 09.09.2010 г.

УДК 930(470) + 338.26(470)

И. Д. Панькин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Исследуется отражение в современной исторической и экономической литературе вопроса о преемственности между различными этапами государственной промышленной политики в России в первой половине XX в.

Ключевые слова: историография; государственная промышленная политика; преемственность.

Важным вопросом современной исторической науки является вопрос о преемственности промышленной политики в России на протяжении всего XX столетия, несмотря на то, что страна несколько раз переживала социально-экономические трансформации.

Следует заметить, что в традиционной советской историографии этот вопрос практически не обсуждался в силу ряда причин. Во-первых, специальных работ, посвященных анализу государственной промышленной политики, было немного, да и то они выходили в 1920-е гг. и писались практическими работниками, вышедшими из среды старой технической интеллигенции [см.: Розенфельд]. Во-вторых, согласно господствующей в 1930–1980-е гг. в советской науке историко-экономической идеологии, развитие истории вообще и истории экономики в частности до и после 1917 г. очень жестко противопоставлялось.

Только в современной науке была поставлена проблема преемственности в осуществлении государственной промышленной политики в России на протяжении всего XX столетия, включая его дореволюционный, советский и постсоветский этапы.

По наблюдениям автора статьи, между современными историками и экономистами в изучении промышленной политики в России существует своеобразное «разделение труда»: экономистов больше интересует современный этап формирования промышленной политики в новой России в условиях рыночной экономики; усилия историков направлены на изучение исторического опыта реализации промышленной политики на протяжении всего XX в., но все-таки гораздо чаще они обращаются к изучению первой половины этого столетия. Видимо, данное обстоятельство обусловило интерес современных историков

к сравнительному анализу различных этапов государственной промышленной политики в России.

Один из немногих уральских исследователей, специально занимающийся проблемой преемственности в осуществлении промышленной политики в России, историк Е. Т. Артемов замечает, что на первый взгляд направление этой деятельности определяется достигнутым уровнем экономического развития, задачами, которые на данном этапе решает государство, а также средствами, которые вписываются в систему действующих политико-экономических отношений, поэтому между «капиталистической модернизацией» С. Ю. Витте, «сталинской индустриализацией» и современной промышленной политикой трудно отыскать общее. Е. Т. Артемов совершенно справедливо считает, что такой вывод не стоит абсолютизировать: «Несмотря на крутые повороты истории, которые пережила наша страна, разительные технико-технологические сдвиги в производстве, принципиальные изменения в экономической и социальной структуре, промышленная политика на протяжении всего XX столетия сохраняла высокую степень преемственности» [Артемов, 15].

Этот вывод разделяют многие современные авторы. Однако историографический анализ литературы показывает, что исследователи приводят различные доказательства преемственности между этапами промышленной политики в России. Эти доказательства можно классифицировать по факторам 1) долговременным и краткосрочным, 2) имеющим аналоговый характер, а также 3) доказывающим сходство между конкретными этапами промышленной политики.

Наиболее веские доказательства преемственности между дореволюционным и советским этапами промышленной политики в России исследователи усматривают в сходных условиях ее реализации. Е. Г. Анимица и Е. Б. Дворядкина пишут: «Промышленная политика государства в современном понимании сформировалась в эпоху промышленной революции и индустриализации в XIX в.» [Анимица, Дворядкина, 299]. В. В. Алексеев указывает на стадийное сходство реализации промышленной политики в России в условиях раннеиндустриальной модернизации. Он обращает внимание на то, что «попытка раннеиндустриальной модернизации (конец XIX — начало XX в.) была предпринята царской Россией (хотя промышленный переворот начался с 1830—1850-х гг., первоначально он происходил в неадекватном социальном контексте — в условиях сохранявшейся системы принудительного труда), однако Первая мировая война и революции не позволили ее завершить». С точки зрения историка, «сталинскую модернизацию» 1930—1940-х гг. можно рассматривать как продолжение раннеиндустриальной модернизации [см.: Алексеев, 6—7].

На протяжении всего XX столетия, считает Е. Т. Артемов, «базовые, структурообразующие элементы российской промышленной политики в основном и главным остаются неизменными». В первую очередь это проявляется при определении стратегических целей. При всех кажущихся различиях, прослеживается тем не менее главная линия на проведение модернизации преимущественно по западным образцам, с помощью государственной мобилизации ресурсов и их перераспределения в интересах решения «приоритетных» задач. Этим объяс-

няется «гипертрофированная роль государства в экономической жизни. По сути, его главной задачей становится обеспечение структурной перестройки и высоких темпов роста производства, что, как правило, не свойственно... западным странам. Это ведет к целенаправленному ограничению (и даже тотальному подавлению) конкурентных отношений. А возможное (и реальное) сопротивление хозяйствующих субъектов жестко подавляется внеэкономическими методами» [Артемов, 15].

Очень часто сторонники преемственности отечественной промышленной политики указывают на ее мобилизационно-распределительный характер, который объясняется особенностями исторического развития страны. Е. Т. Артемов полагает, что если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, то Россия модернизировалась под влиянием внешних вызовов: «Российская модель модернизации являлась своеобразным ответом на геополитические угрозы. По существу, она носила догоняющий характер и предполагала активное заимствование у “продвинутых” стран новых технологий, культурных ценностей, форм социальной организации. Но, в силу исключительных масштабов территории, региональных различий в условиях хозяйствования, полиэтничности и поликонфессиональности населения, сохранившего “исторические коды” разных цивилизаций и культур, заимствованные новации трудно приживались. Их приходилось навязывать силой» [Там же, 15–16].

В. В. Алексеев и И. В. Побережников замечают, что «эту задачу решало государство — наиболее активная и сильная структура российского общества. В своей модернизационной политике оно в значительной мере опиралось на внеэкономическое принуждение. А это предопределяло прогрессирующую централизацию и бюрократизацию управления социально-экономическими процессами» [Алексеев, Побережников, 53]. А. П. Прохоров подчеркивает, что при этом не считается актуальной проблема эффективного использования ресурсов, минимизация затрат для достижения максимальных результатов [см.: Прохоров, 9–10].

К долгосрочным доказательствам преемственности государственной промышленной политики В. Г. Железкин относит отсутствие принципиального отличия в социальной организации промышленности дореволюционной России и СССР, т. к. «именно патерналистская политика господствовала в государственном хозяйстве страны в течение всего советского периода» [Железкин, 80]. Уже «в начале XX в., по мнению В. Э. Лебедева, обозначилась потребность в регионализации как одном из действующих механизмов социально-экономического развития и научно-технического прогресса. Игнорирование “регионального фактора” неминуемо приводило, с одной стороны, к недореализации промышленного потенциала страны, с другой — к фиаско государственного регулирования социально-экономической сферы» [Лебедев, 221].

Многие исследователи указывают на преемственность между отдельными этапами в реализации промышленной политики, особенно между промышленной политикой дореволюционной России и промышленной политикой первых лет советской власти.

В. В. Алексеев обращает внимание на то, что уже в период Гражданской войны в России были заложены основы мобилизационного типа развития экономики, при котором военные и политические мотивы выдвигались на передний план. Атака на капитал в форме национализации, огосударствления промышленности позволила большевикам сохранить власть, при этом они «в значительной мере опирались на опыт дореволюционной России, который предусматривал участие в организации и управлении промышленностью сильной центральной власти». По его словам, «огосударствление явилось инструментом восстановления правительственного контроля за промышленностью и проведения в жизнь принципа единого руководства, призванного придать связность системе управления, которая непосредственно ориентировалась на систему, функционировавшую в 1916–1917 гг.» [Алексеев, 11].

М. А. Фельдман указывает, что «вектор и методы экономической политики советской власти были заимствованы из опыта Первой мировой войны еще и потому, что значительная часть научно-инженерного корпуса в центре и на местах после октября 1917 г. перешла в систему органов ВСНХ» [Фельдман, 64]. В. В. Алексеев утверждает, что ВСНХ практически совмещал функции Центрального военно-промышленного комитета, возникшего в годы Первой мировой войны, и дореволюционных отделов министерств [см.: Алексеев, 11–12].

При анализе экономической политики в России в первой трети XX в. М. А. Фельдман исходит из очень высокой степени милитаризации всех сфер жизни в России. В связи с этим он делает парадоксальный на первый взгляд вывод: «...Государственные структуры дореволюционной России, Временное правительство России, советские органы, Временное областное правительство Урала, диктатура Колчака — вынуждены были применять достаточно однотипный набор экономических, а точнее, внеэкономических решений. <...> Однотипность такого набора решений была определена прежде всего разрухой и милитаризацией экономики, что в условиях войны превращало государственное регулирование экономики в прямое государственное вмешательство во все области жизни общества. В такой ситуации интересы частных предпринимателей имели второстепенное значение (пусть и в разной степени) и для красных, и для белых» [Фельдман, 64].

При этом исследователь признает, что «масштаб прямого государственного управления экономикой на территории Советской республики был выше, чем в России 1914 — октябре 1917 г. Это объяснялось прежде всего совпадением практики централизованного государственного регулирования и основополагающих доктрин большевизма, нацеленных на создание “государства-фабрики”» [Там же, 65].

Е. Г. Анимица и Е. Б. Дворядкина указывают на сходство между промышленной политикой дореволюционной России и политикой, которая реализовывалась большевиками в период НЭПа, считая ее «непосредственным продолжением предыдущего [дореволюционного] этапа» [Анимица, Дворядкина, 300].

По нашему мнению, не все приводимые в современной исторической и экономической литературе доводы о преемственности целей, задач и методов

создания и развития российской промышленности достаточно убедительны. Некоторые из них базируются на формальном сходстве происходивших событий и процессов. Тем не менее мы полагаем, что именно изучение сходных черт между различными этапами реализации промышленной политики поможет исследователям определиться с не менее дискуссионным вопросом о характере и содержании государственной промышленной политики в России.

Алексеев В. В. Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII—XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2006.

Алексеев В. В., Побережников И. В. Волны российских модернизаций // Опыт российских модернизаций, XVIII—XX вв. М., 2000.

Анимица Е. Г., Дворядкина Е. Б. Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2006.

Артемов Е. Т. Проблема исторической преемственности в отечественной промышленной политике // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2006.

Железкин В. Г. Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX в. // Модернизация в социокультурном аспекте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998.

Лебедев В. Э. Регионализация НТП в контексте российских модернизаций // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2006.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2002.

Розенфельд Я. С. Промышленная политика СССР (1917—1925). М., 1926.

Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914—1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург, 2001.

Статья поступила в редакцию 03.09.2010 г.

УДК 94(470.5) + 329(47 + 57) + 908(470.5)

Е. Н. Ефремова

ПАРТИЙНАЯ ЦЕНЗУРА ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 1920—1930-х гг. НА УРАЛЕ

На основе ранее не публиковавшихся архивных документов по цензуре историко-краеведческих изданий на Урале рассматривается история преследования интеллектуальной мысли на Урале в 1920—1930-е гг.

Ключевые слова: советская партийная цензура; запрещенные книги; история Урала; Свердловский истпарт.

В годы советской власти партийной цензуре были подвержены все этапы развития интеллектуальной мысли с момента ее зарождения в сознании автора